

II. ПЕРЕВОДЫ. АРХИВЫ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2025-14-1-333-342>

РАЗОМКНУТОЕ СУЩЕЕ И ПРОБЛЕМА НИЧЕГО: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ МАРКА РИШИРА «СВЕРНУТОЕ НИЧЕГО»

ДЕНИС МИХАЙЛОВ

Исследователь.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000 Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8404-8578>

E-mail: denidena@mail.ru

Данная статья представляет собой предисловие к переводу работы Марка Ришира «Свернутое ничего» (1970) и исследует ее значение для становления риширианской феноменологии. Автор ставит перед собой задачу подготовить читателя к работе с непростым текстом Ришира, поместив «Свернутое ничего» как в контекст других работ философа, так и в контекст подходов других мыслителей, оказавших влияние на философию Ришира. Отмечая значимость «Свернутого ничего» для философии французского феноменолога, автор прослеживает, как в этой работе: 1) формируются основные «фигуры» ранней философской мысли Ришира; 2) постулируется отношение Ришира к традиционной метафизике; 3) вводится и прорабатывается проблематика теоретического языка. С целью помочь читателю разобраться в нестандартной образности Ришира, автор реконструирует фигуру двойного движения, сопровождая реконструкцию поясняющими комментариями. Помимо этого, автор обращает внимание на то, как описываемая Риширом в тексте статьи мыслительная фигура воплощается им и в самой практике повествования. Далее автор заостряет внимание читателя на вопросе о роли субъекта в фигуре феноменализации, предлагая оригинальную интерпретацию, позволяющую объяснить отсутствие субъекта в построениях Ришира. Автор также выделяет и концептуализирует основные нововведения «Свернутого ничего»: 1) «размыкание» сущего как следствие вводимой Риширом фигуры феноменализации; 2) выстраивание Риширом повествования как детрансцендентализованного феноменологического описания, феноменологической констатации. Наконец, автор

© ДЕНИС МИХАЙЛОВ, 2025

детально прослеживает, как в философский вокабуляр Ришира приходит понятие «переплавка», которое Ришир будет использовать в более поздних работах в качестве характеристики своего феноменологического проекта.

Ключевые слова: Ришир, феноменология, феноменализация, метафизика, переплавка, ничего.

UNFOLDED BEINGS AND A GLIMPSE OF NOTHING: A PREFACE TO THE TRANSLATION OF MARC RICHIR'S ARTICLE "THE FOLDED NOTHING"

DENIS MIKHAYLOV

Researcher.

HSE University.

101000 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8404-8578>

E-mail: denidena@mail.ru

This article serves as a preface to the translation of Marc Richir's work "The Folded Nothing" (1970) and explores its significance for the formation of Richir's phenomenology. The author aims to prepare the reader for engaging with Richir's complex text by situating "The Folded Nothing" both within the context of the philosopher's other works and within the broader intellectual landscape shaped by thinkers who influenced Richir's philosophy. Emphasizing the importance of "The Folded Nothing" for the French phenomenologist's thought, the author traces how this work: 1) shapes the key "figures" of Richir's early philosophical thinking; 2) establishes Richir's stance toward traditional metaphysics; 3) introduces and develops the problem of theoretical language. To help the reader navigate Richir's unconventional imagery, the author reconstructs the figure of double movement, providing explanatory commentary. Furthermore, the author highlights how the figure described in Richir's text is also embodied in his writing/narration practice. Author also emphasizes the question of the role of the subject in the figure of phenomenization, offering an original interpretation that accounts for the absence of such subject in Richir's figure of phenomenization. Additionally, author identifies and conceptualizes the key innovations of "The Folded Nothing": 1) the "unfolding" of beings as a consequence of Richir's figure of phenomenization; 2) Richir's construction of narrative as a de-transcendentalized phenomenological description. Finally, the author traces how the notion of "refonte" enters Richir's philosophical vocabulary, a concept he would later use to characterize his phenomenological project in subsequent works.

Keywords: Richir, phenomenology, phenomenization, metaphysics, refonte, nothing.

Статья «Свернутое ничего», писавшаяся с апреля 1969-го по февраль 1970-го и опубликованная в 1970 году в журнале «Textures», является ключевой работой для раннего периода творчества Марка Ришира. Более того, не будет преувеличением сказать, что этот текст является ключевым для становления феноменологической мысли Ришира в целом. Уточнение «феномено-

логической» здесь требуется, поскольку, как известно, круг интересов Ришира не ограничивался исключительно феноменологической теорией познания, но включал в себя и социально-политические, и антропологические проблемы. Тем не менее такое уточнение не является указателем на жесткое отграничение феноменологической мысли Ришира от его исследований в других областях философского знания. Ведь, нужно отметить, и в тех текстах, которые не посвящены «метафизическим» вопросам напрямую, Ришир использует фигуры¹, прорабатываемые им в рамках феноменологических изысканий. Так, например, в статье 1982 года «Варварство и цивилизация» (Richir, 1982), которую Ришир начинает с рассмотрения романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы», он использует для описания противоборства в главном герое варварского и цивилизованного начал фигуру «резонирующей пустоты внутри», фигуру, которую он вводит в тексте 1971 года «Дефенестрация» (Richir, 2020) при описании сущности феномена. Другим примером является фигура двойного движения, которую в «Свернутом ничего» Ришир использует при описании процесса становления феноменом, в статье «Пролегомены к теории чтения» (Richir, 1969) описывает с ее помощью проблематичность интерпретации философского текста, а в работе «“Крупная” игра, мелкие “игры”» (Richir, 1968) использует ее в контексте социальной проблематики.

Такое единство пространства образности особенно явно ставит необходимость знакомства с ключевыми фигурами феноменологической мысли Ришира для понимания его философии в целом. Предлагаемая же к рассмотрению статья является отправной точкой становления его мысли, что отмечает и один из ведущих исследователей философии Ришира, Саша Карлсон, ссылаясь на опубликованную в 2015 году личную беседу с Риширом (Richir, 2015). В своей работе «Сущность феномена» он пишет:

Можно сказать, что труды Ришира разделены *grosso mondo* на три части: 1) самые первые публикации; 2) ранние публикации, начиная со «Свернутого ничего», текста, который является «первым актом рождения» риширианской феноменологии; 3) труды Ришира начиная с «Феноменологических исследований», которые составляют «второй акт рождения» риширианской мысли и задают направление для всех его последующих публикаций (Carlson, 2010, 205; здесь и далее перевод иноязычных цитат мой, если не указано иное. — Д. М.).

¹ Фигуры мышления, запечатлевающие определенные отношения между нестабильными элементами — нестабильными как в силу невозможности установить полное самоотождество таких элементов в мышлении, так и в силу возможности полной смены элементов в зависимости от контекста (при сохранении их отношений).

Что же можно найти в этой ранней статье, что обладает таким значением для понимания философии Ришира? В первую очередь, в «Свернутом ничего» Ришир формулирует проблему феноменологии в том виде, в котором он будет работать с ней в своих следующих трудах. Понимая под проблемой феноменологии прежде всего проблематичность философии Гуссерля (а не необходимость отказаться от феноменологического подхода как такового), Ришир проводит в этой работе ту грань, которая отделяет его философию от учения первофеноменолога. Иными словами, Ришир определяет место собственной философии относительно феноменологии Гуссерля, или, вернее, за рамками феноменологии последнего. Стоит сразу отметить, что большее обращение к текстам Гуссерля, их своеобразное переоткрытие, является общей тенденцией третьего поколения феноменологов. Однако, помимо феноменологии Гуссерля, в «Свернутом ничего» наглядно представлены и другие традиции, которые оказали на мысль Ришира сильное влияние. В работе можно найти как диалектику Тожественного и Иного из платоновского «Парменида», которую он применяет к теории познания Гуссерля, так и дерридианское «различание», через призму которого Ришир подходит к онтологии Хайдеггера. Иными словами, эта статья, помимо прочего, является своеобразным указателем преемственности идей, их наложения и противопоставления в философии Ришира.

Помимо этого, в данной статье Ришир определяет место собственной философии не только по отношению к своим предшественникам, но и по отношению к целым пластам философской мысли. Так, в «Свернутом ничего» считывается то, как Ришир понимает метафизику — в первую очередь как *теоретизирующую* метафизику оснований. В понимании Риширом методов и задач метафизики (определяющем его отношение к ней как к тому, что следует стараться преодолеть) прослеживается сильное влияние Деррида на раннюю мысль Ришира². Следует отметить, что впоследствии, когда влияние философии Деррида на феноменологию Ришира ослабнет, отношение Ришира к метафизике также изменится. Так, в более поздней работе «Статус первой философии перед лицом кризиса оснований позитивных наук» (Richir, 1977) Ришир уже не пытается преодолеть метафизику, или первую философию, а наоборот, переопределяет ее место:

Для философии остается... и *другое место*: место первой философии как специфического способа вопрошания о нашей судьбе, особого способа мыслить. ...первая философия должна быть прежде всего *искусством вопрошания*, состоящем в постановке вопросов, которые не возникают из заранее данных ответов, чтобы

² О влиянии философии Деррида на «Свернутое ничего» см.: «Различание» и «Свернутое ничего»: как молодой Ришир читает Деррида» (Mikhaylov, 2023).

[затем] привнести и другие [ответы], то есть [в постановке] таких вопросов, которые не заключаются (*se renferment*) *a priori* в каких-либо ответах, которые уже даны или будут даны (Richir, 1977, 186).

В «Свернутом ничего» также определяется отношение Ришира и к языку философского «повествования»: начиная от заимствования разделения *langue — langage — parole*, которое вводится Соссюром и заканчивая размышлением о возможностях теоретического языка как такового. Если быть более точным, то проблематика языка пронизывает «Свернутое ничего» с первого до последнего предложения, однако эксплицитные размышления Ришира на эту тему являются скорее констатацией проблемы используемого им языка — основная линия проблематики языка иллюстрируется самим ходом изложения («повествования»), его осуществлением в письменном языке, на что сам Ришир указывает в тексте. Так, Ришир открыто критикует «теоретический язык», в котором «означающее всегда отделено от означаемого», и пишет работу, пытаясь преодолеть в своем изложении ограничения теоретического языка, прибегая к нестандартной образности. Открывая статью со слов: «В этой работе мы представляем *теорию*. Как таковое, наше повествование по своей сути метафизично», Ришир пишет о теории, выделяя ее курсивом, заостряя внимание на том, что эта теория, продумывающая собственные ограничения, теория, которая постулирует выход за пределы теоретического. То, в чем видится здесь отличие подхода Ришира от подхода Гуссерля, — продуманность такого сущностного ограничения, которая выражается в практике искажения теоретического языка. Если Гуссерль целенаправленно строил теорию, то риширианская теория — это теория отчаяния, это неизбежная теоретичность в попытке поэтического повествования. Заимствуя фигуру сказанного и сказываемого в языке у Хайдеггера, Ришир потому и говорит о «последнем шаге метафизики» в своей работе, что пытается передать принципиально ускользающее от теоретического языка. Другими словами, шаг вовне метафизики для Ришира — это в том числе и шаг за пределы любой теории, который, в свою очередь, из теории и совершается.

Наконец, в «Свернутом ничего» Ришир вводит и разрабатывает «понятия», которые станут костяком его раннего философского аппарата. В первую очередь речь идет о самой фигуре феноменализации, разработке которой, можно сказать, и посвящена данная работа. Что именно понимается под «феноменализацией», указано в самом начале статьи: «Под феноменализацией мы подразумеваем те движения, посредством которых “что-то” делается (*se fait*) феноменом, то есть проявляется, *становится* (*devient*) присутствующим». Тем не менее речь в статье идет не столько о создании строгого понятия «феноменализация», сколько

о составлении своеобразной «метафизической» фигуры. Для этого Ришир обращается к «двойному движению», которое, в свою очередь, поясняет через образ ленты Мёбиуса (в тексте Ришира нет прямого упоминания ленты Мёбиуса, тем не менее содержание его описаний практически не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о ней). Так, если представить, что лента Мёбиуса лежит на плоскости, то из-за того, что эта лента кольцеобразна, можно при первом взгляде разграничить то, что находится внутри кольца, от того, что у него снаружи. Если же попытаться вывернуть такое кольцо наизнанку, то из-за геометрии ленты Мёбиуса окажется, что при таком выворачивании происходит одновременно и сворачивание внутрь, вворачивание. При этом из-за кольцеобразной природы сворачивающейся-выворачивающейся ленты можно все еще при беглом взгляде выделить часть плоскости (на которой лежит лента), которая находится «внутри» кольца; однако при детальном рассмотрении становится понятно, что на самом деле граница между тем, что внутри такого кольца, и тем, что у него снаружи, отсутствует: сворачивающаяся и разворачивающаяся лента Мёбиуса работает как своеобразный винт Архимеда, который обуславливает то, что внутреннее и внешнее этому кольцу сообщаются, смешиваются (строго говоря, они представляют собой единую плоскость, поскольку не происходит четкого отделения одной ее части от другой). Прорабатывая этот образ, Ришир называет поверхность самой ленты «внутренним», а то, что охватывается кольцом ленты Мёбиуса, — «внутренним внутреннего»; так он и приходит к заключению, что «внешнее — это внутреннее внутреннего».

Вводя такую фигуру, Ришир кардинально меняет феноменологическое представление о сущем — он *размыкает* сущее и делает это не в качестве разовой операции, повлекшей бы уничтожение такого сущего, но придает ему стабильное состояние разомкнутости (для чего он и говорит о «движении в контр-движении», о «сворачивании в разворачивании»). Такое разомкнутое сущее не вписывается в систему координат, заданную Гуссерлем, где сущее представляется как своеобразная замкнутая сфера с отделенным от внешнего ядром, — Ришир разовьет эту мысль в «Дефенестрации» (Richir, 2020).

Если переместить внимание с описываемой Риширом фигуры на саму практику его повествования в рамках «теоретического» текста, то можно заметить интересную особенность. Не пытаясь на протяжении статьи наполнить «понятие» «феноменализация» строго определенным теоретическим содержанием, а предлагая вместо этого «метафизическую» фигуру (почему он и говорит о *мыслении* феноменализации), Ришир «выворачивает» понятие таким образом, чтобы оно перестало быть понятием в привычном понимании герметичного смыслово-

го объекта. Воспроизводя самой практикой повествования ту фигуру, которую он предлагает в тексте, Ришир размыкает это понятие, предлагает вместо четко определенного содержания своеобразный комок отношений. Таким образом, Ришир в своем тексте пытается осуществить то, к чему призывает желающего мыслить феноменализацию читателя: «совершить *переворот* в языке, сделать так, чтобы помимо того, что выражено, *проступало* бы что-то, что *нигде* не улавливается в качестве означаемого термина». Именно с этой целью Ришир по ходу статьи не дает «феноменализации» однозначного четкого определения (несмотря на все формулировки вида «феноменализация — это...» и «феноменализировать — значит...»), но обильно использует разнообразную метафорику. Определение же, данное им в самом начале, будучи вынесено в сноску, кажется скорее некоторой формальностью, но никак не полноценным утверждением.

При чтении текста Ришира особое внимание следует обратить на то, что в описании фигуры феноменализации практически ничего не говорится о субъекте, включенном в этот процесс. Сама феноменализация для Ришира — сворачивание и разворачивание, скрежет и шлейф, движение в контр-движении, но в этих описаниях не ставятся вопросы о том, кто осуществляет феноменализацию и «для кого» феноменализируется сущее. Единственный ответ на вопрос «Для кого?», который вскользь прописывается в тексте, — «Для меня»: «Это дерево, которое я вижу, лишь *во вторую очередь* покоящаяся и неизменная форма, которая остановила мой взгляд». Но каково в таком случае это «я»? То, что Ришир не апеллирует к трансцендентальному субъекту, становится ясно в том числе и из его следующих работ, где он называет его «трансцендентальным симулякром»³, и тем не менее онтологический статус вскользь упомянутого «я» в работе никак не проясняется. Это становится особенно заметным в контексте того, что Ришир формулирует основной вопрос статьи как «Что значит феноменализировать?», а не «Что значит феноменализироваться?» — эта формулировка особенно остро ставит вопрос о том, кто или что осуществляет феноменализацию.

В рамках предлагаемой читателю интерпретации направление ответа на эти вопросы можно дать, обратив внимание на вводимое Риширом «ничего»:

Ришир впервые упоминает «ничего», когда пишет о редукции, и именно она является ключом к тому, что скрывает за собой слово «ничего». Согласно Риширу, осуществив редукцию, Гуссерль должен был обнаружить, что неполнота логического

³ Ришир пишет о «трансцендентальном симулякре», среди прочих работ, во «Втором феноменологическом размышлении» (Richir, 1991).

объекта никуда не исчезла, что нет никакого смысла-в-себе, который можно было бы схватить, и именно на «ничего» как на не-различность Гуссерлю следовало обратить внимание. Другими словами, «ничего» вводится Риширом не как некоторая онтологическая единица метафизической системы, обладающая определенным набором характеристик, а как «ничего» для и от лица смотрящего. «Ничего» вводится в соответствии со своим обыденным употреблением («он ничего не заметил») и концептуализируется как горизонт не-различности для смотрящего в принципе (Mikhaylov, 2023, 156).

Так понимаемое «ничего» открывает перспективу, из которой ведет повествование Ришир: это перспектива детрансцендентализованного феноменологического описания, своеобразной феноменологической констатации. Ришир, выстраивая фигуру феноменализации, пишет о том, что разворачивается непосредственно перед взглядом смотрящего, отказываясь от свойственной традиционной метафизике перспективы «привилегированного взгляда». Такая констатация является для Ришира еще одним средством преодоления «теории» (то есть метафизики) в его повествовании; такая перспектива снимает (по крайней мере, на время) вопрос о субъекте, поскольку он как раз и требовал бы выход на позицию отстраненного привилегированного взгляда.

Наконец, последнее, на что читателю будет предложено обратить внимание, — вскользь упомянутый в «Свернутом ничего» концепт «переплавка» (*refonte*). Позднее Ришир будет характеризовать свой философский проект как «переплавку» феноменологии — упоминание этого концепта здесь позволяет в большей степени понять значение такой характеристики.

Говоря о «переплавке», Ришир ссылается на французского философа и драматурга Франсуа Рено, который обратился к концепту *refonte* в своей лекции «*Qu'est-ce qu'une coupure épistémologique?*» («Что такое эпистемологический разрыв?»), прочитанной 26 февраля 1968 года. Эта лекция состоялась в рамках курса Луи Альтюссера «*Cours de philosophie pour scientifiques*» («Курс философии для ученых»), который читался в Высшей нормальной школе в Париже (*École normale supérieure*) с 1967 года и был прерван в мае 1968-го ввиду известных событий. Выступление Рено, похоже, сохранилось только в виде заметок к его лекции, опубликованных в книге Мишеля Фишана и Мишеля Пешё «Об истории наук» (Fichant & Pêcheux, 1969) под названием «*Définitions*» («Определения»). Ален Бадью, который в своей статье «*La subversion infinitésimale*» («Бесконечно малая субверсивность») также заимствует у Рено концепт *refonte*, пишет в одной из сносок этой работы следующее: «Мы заимствуем у Ф. Рено концепт *refonte*, которым он обозначает те крупные перестановки (*remaniements*), когда наука, возвращаясь к тому, что осталось не осмысленным в ее предыду-

щую эпоху, глобально трансформирует свою концептуальную систему: релятивистская механика после классической механики» (Badiou, 1968, 120).

Сам же Рено заимствует концепт *refonte* у Гастона Башляра:

В то время я взял на себя разработку целой теории эпистемологического разрыва (например, рождение галилеевской физики) и переплавок (*refontes*) (еще один термин Башляра), с которыми та же наука могла сталкиваться на протяжении своей истории — например, наука физики, доведенная Ньютоном до ее классического совершенства, за которой последовала переплавка концептов физики Эйнштейном и теорией относительности (Regnault, 1966).

Однако у Башляра *refonte* встречается не очень часто. Например, в работе «*La formation de l'esprit scientifique*» (Bachelard, 1934), на которую дают ссылку большинство исследователей, прослеживающих преемственность концепта *refonte* в аппарате Рено, это слово упоминается единожды: «Действительно, кризисы в развитии мысли подразумевают тотальную переплавку (*refonte*) системы знания» (Bachelard, 1934, 19).

На русский язык нет устоявшегося перевода *refonte* как философского концепта, поскольку нет переводов ни работ Рено, ни указанного произведения Башляра. В книге В. П. Визгина «Эпистемология Гастона Башляра и история науки» встречается перевод *refonte* как «перестройки»:

Как же Башляр понимает разрыв в развитии знания, каков его механизм? Разрыв — «переворачивание перспективы», вызванное тем, что в научном знании действует системный принцип, то есть знание организуется как целое и в этом смысле характеризуется определенной замкнутостью, а поэтому его изменение неизбежно происходит взрывообразно, так как вся система оказывается поставленной под вопрос и нуждается поэтому в полной перестройке (*refonte*), в замене ее новой системой, что и отмечается как разрыв или дисконтинуальность в развитии (Vizgin, 1996, 72).

Рассмотреть, насколько приведенный фрагмент соответствует философии Башляра, не входит в задачи данного предисловия, однако применительно к использованию Рено⁴ концепта *refonte* здесь следует заметить, что, похоже,

⁴ Относительно фигуры Франсуа Рено, упомянутого Риширом в этом контексте, можно заметить еще одну деталь. В «*Cahiers pour l'Analyse*» (№ 9 1968 года) выходит статья Рено «*Dialectique d'épistémologies*» (Regnault, 1968), в которой он выделяет и разбирает гипотезы диалога Платона «Парменид». Учитывая то, что Ришир ссылается в своем тексте как на этот журнал, так и на самого Рено, то вполне вероятно, что появляющаяся в «Свернутом ничто» диалектика Тождественного и Иного, заимствованная из «Парменида» и примененная к проблематике внутреннего и внешнего логическому объекту, вдохновлена его прочтением статьи Рено.

для последнего это в первую очередь изменение концептуального аппарата. Это замечание может служить зацепкой, ведущей к большему пониманию того, что Ришир имел в виду, называя свой проект «переплавкой феноменологии».

В результате «Свернутое Ничего» является текстом, который задает направление дальнейшей мысли Ришира, вводит ключевые для него фигуры не только через их непосредственное описание в тексте, но утверждает их в самой практике письма. Однако такой подход ставит перед читателем определенный вызов, поскольку непостоянный язык Ришира накладывается на требующую особой гибкости языка тематику. Читатель оказывается заброшен в текст, который написан таким образом, чтобы попытаться преодолеть язык. Безусловно, это не может не требовать от читателя особенного подхода к такому тексту. Другими словами, этот текст, который является попыткой «поэтического письма», требует такого же «поэтического» чтения.

REFERENCES

- Bachelard, G. (1934). *La formation de l'esprit scientifique. Contribution à une psychanalyse de la connaissance objective*. Paris: Librairie philosophique J. VRIN.
- Badiou, A. (1968). La subversion infinitésimale. *Cahiers pour l'Analyse*, 9, 118–137.
- Carlson, S. (2010). L'essence du phénomène: La pensée de Marc Richir face à la tradition phénoménologique. *Eikasia. Revista de Filosofía*, 6 (34), 199–360.
- Fichant, M., & Pêcheux, M. (1969). *Sur l'histoire des sciences*. Paris: François Maspero.
- Mikhaylov, D. (2023). “La Différance” and “Rien Enroulé”: Young Marc Richir Reads Derrida. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 12 (1), 141–158.
- Regnault, F. (1966). Structure and Subject. *Cahiers pour l'Analyse*, 2. Retrieved from: <http://cahiers.kingston.ac.uk/synopses/syn9.4.html>.
- Regnault, F. (1968). Dialectique d'épistémologies. *Cahiers pour l'Analyse*, 9, 45–73.
- Richir, M. (1968). Grand jeu et Petits jeux. *Textures* (Bruxelles), 3–4 (hiver): Révolutions, 5–35.
- Richir, M. (1969). Prolégomènes à une théorie de la lecture. *Textures* (Bruxelles), 5 (printemps): Fictions, 35–53.
- Richir, M. (1977). Le statut de la philosophie première face à la crise des fondements des sciences positives. In *Annales de l'Institut de Philosophie de l'U.L.B.* (185–187). Bruxelles: l'Institut de philosophie de l'Université de Bruxelles.
- Richir, M. (1982). Barbarie et Civilisation. *Réseaux*, 41-42-43, 21–43.
- Richir, M. (1991). Passion du penser et pluralité phénoménologique des mondes. *Epokhé* (Grenoble: Jérôme Millon), 2 (octobre): Affectivité et pensée, 113–173.
- Richir, M. (2015). *L'Écart et le Rien*. Grenoble: Millon.
- Richir, M. (2020). Defenestration. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 9 (2), 760–781. (In Russian)
- Vizgin, V. (1996). *Gaston Bachelard's Epistemology and the History of Science*. Moscow: Institute of Philosophy, RAS Publ. (In Russian)